

Они поднялись в карету.

Чжао Нань сел на низкую скамью, поджав ноги, достал бумагу и кисть и с хлопком положил их на деревянный столик перед собой. Затем засучил рукава и с послушной улыбкой посмотрел на стоявшего рядом Лоу Чжоу.

— Господин Лоу, тушь.

Лоу Чжоу охотно исполнял все его просьбы. Он улыбнулся и наклонился, начиная растирать тушь.

Фу Цзюэчжи сразу понял, что Чжао Нань задумал. Он чуть повернул голову и костяшками постучал по стенке кареты.

— Медленнее.

Карета сразу сбавила ход и дальше двигалась ровно, почти не качаясь.

Чжао Нань обмакнул кисть в тушь, наклонился над столом и начал переписывать тот самый отрывок, который только что запинался читать наизусть.

Но стоило ему пригнуться, как лоб накрыла широкая ладонь.

Фу Цзюэчжи нахмурился.

— Сядь ровно.

Он слегка надавил, отодвигая Чжао Наня от стола почти на чи, и вздохнул:

— Береги глаза.

Фу Цзюэчжи напоминал ему об этом каждый день.

Чжао Нань любил играть и относился к таким вещам несерьёзно. Он пробормотал нечто невнятное, но тут же почувствовал, как его ущипнули за заднюю часть шеи.

— Почему не слушаешься?

Фу Цзюэчжи приподнял уголки глаз. Пальцы без особой силы, но настойчиво легли на кожу Чжао Наня.

Лицо князя слегка потемнело. Он наклонился вперёд, перехватил тонкий мягкий подбородок и словно зафиксировал его в нужном положении.

Теперь Чжао Нань при всём желании не смог бы снова распластаться по столу.

Лоу Чжоу стоял рядом, не поднимая глаз, и с образцовым усердием продолжал растирать тушь.

Переписывание текста не требовало особых размышлений. Фу Цзюэчжи опустил взгляд и слегка помял мягкую щёку Чжао Наня — это не мешало ему писать.

Пальцы задержались.

Потом князь заведомо невинным тоном спросил, понизив голос и добавив в него едва заметную

насмешку:

— Туаньтуань сегодня такой прилежный.

Это было правдой.

Чжао Нань любил развлечения и домашние задания постоянно откладывал до ночи. Обычно писал их уже после купания, за столом в спальне.

Но сегодня вечером у него действительно были планы.

Вынужденный сидеть прямо, Чжао Нань повернул голову к Фу Цзюэчжи и загадочно понизил голос:

— Ночью я пойду в башню Хуэйсянь.

Башня Хуэйсянь стояла у самого подножия императорского города и поднималась почти на десять чжанов.

Место было вполне приличным и известным. Придворные сановники, учёные и литераторы из странствующего мира любили собираться там, пить вино и сочинять стихи.

Чжао Нань смотрел ясными глазами и с абсолютно праведным выражением лица, будто подчёркивал: он ни в коем случае не собирается в сомнительное заведение искать развлечений.

Считай, докладывался «родителю Фу».

Подумав, он почему-то улыбнулся ещё шире и добавил шёпотом:

— Вообще-то...

— Сегодня Мэн Инцзюнь будет угадывать экзаменационные темы.

До контрольного испытания оставалось два дня.

Мэн Инцзюнь был настоящей легендой академии. Его прогнозы попадали если не во все вопросы, то минимум в половину.

Как эта компания могла упустить такой шанс?

Фу Цзюэчжи посмотрел на оживлённое лицо Чжао Наня и опустил глаза с улыбкой.

— Вот как.

Он чуть поднял взгляд и задумчиво постучал пальцами по столу.

Затем повернулся к Лоу Чжоу и спокойно приказал:

— Передай в соответствующие резиденции: сегодня вечером этот князь устраивает приём. Все, кто желает встретиться, должны прибыть в башню Хуэйсянь до часа Хай.

Осенняя ночь была прохладной, а ветер — резким. Колокольчики под карнизами звенели чисто

и тонко.

На верхних этажах башни Хуэйсянь горели огни. Помимо музыки, в воздухе раздавались споры и раздражённые возгласы.

— Наньцзянские варвары прорвали оборону Циньчжоу и теперь ведут войска на север, к Линнаньскому тракту! Уполномоченный по военным делам Фан Юань отступает раз за разом, а вместе с окружным управлением только и делает, что пишет в столицу с требованием денег!

Лицо Юй Каня покраснело от ярости. Он вскочил и так ударил ладонью по столу, словно хотел сорвать с собственной головы чёрную чиновничью шапку министра кадров.

— Сколько лет Дачан их содержит?! Кому урезали жалованье, пайки, зерно или военный фонд?! Сколько отборных войск отправлено в южный протекторат?! А теперь у них в каждом докладе одно: «дайте денег»! Говорят, что не могут удержать рубеж — и просто бросают оружие, отступают всё дальше! Они что, собираются пятиться до самого Цюэцзина и там смотреть, как государство меняет хозяина?! За что они вообще получают жалованье?!

— Если Бао Тяньцзяо больше не хочет быть военным губернатором, пусть уходит! На годовой проверке первым полетит его голова!

Все собравшиеся принадлежали к политическому лагерю Фу Цзюэчжи. Даже когда у императора лежало два десятка доносов и обвинений против них, они редко теряли самообладание настолько.

Юй Кань был уже стар и занимал должность министра кадров больше двадцати лет. Сейчас его руки дрожали, дыхание не выравнивалось. Он опустился перед Фу Цзюэчжи на колени и, плача, поклонился до земли.

— Ваше Высочество... Дачан прогнил...

Музыка под потолком заглушила тяжёлые вздохи окружающих.

Фу Цзюэчжи помолчал, затем поднялся и поддержал дрожащего старика.

— Господин Юй, встаньте.

Он подал ему свежий чай, опустил глаза и спокойно сказал:

— Продолжайте.

Сыма княжеской резиденции немедленно шагнул вперёд и протянул письмо с уже вскрытой сургучной печатью.

— В этом году в Цзяндуне были сильные ветры и наводнения. В областях Минь и Бо погибло и пропало почти три десятых населения.

Холодный пот выступил у него на лбу. Горло пересохло.

— Пять миллионов лянов серебра, предназначенных двум областям на помощь пострадавшим, бесследно исчезли. Народ поднял восстание. Горный разбойник И Вэйчэн воспользовался хаосом, объявил себя правителем и поднял мятеж.

— Последние новости из Цзяндуна: над воротами Цзинкоу уже висят головы двух

губернаторов. И Вэйчэн собрал тридцать тысяч ополченцев и заявляет, что двинется на запад, прорывая заставы.

Глава академии Ли Сы едва не лишился чувств.

Он схватился за грудь и опустился в кресло, белый как бумага.

— Это... это же восстание...

— Это и есть восстание!

Командир Ло пришёл в ярость. Лицо то белело, то синело.

Он протянул дрожащую руку в сторону императорского дворца и перед коллегами, отбросив все приличия, закричал со слезами:

— Внешний враг наступает, внутренний пожар не потушен! Наньцзян, Сии, Бэйляо — кто из них лёгкий противник?! А эти черви сидят среди яшмовых блюд и думают, что навеки в безопасности! Книги и совесть они в собачий живот запихнули — добрались даже до зерна для голодающих!

Ло Ло задыхался от брани. Он вытер лицо и горько усмехнулся:

— Ну вот! Наворовали себе разбойничьего царя, который режет и жжёт, а за ним идут десятки тысяч!

Он хлопнул ладонями и стиснул зубы.

— Хорошо. Очень хорошо!

В зале поднялся гул. Люди держали чаши, не зная, смеяться им или плакать. От устроенного приёма никто уже не чувствовал вкуса еды.

Этаж находился высоко. Если посмотреть из окна, можно было увидеть тысячи огней Цюэцзина.

Вдали как раз достроили дворец Ваньшоу, и под его карнизами уже зажгли тысячи стеклянных фонарей.

Огромная территория была императорской запретной зоной и одновременно роскошным раем, отрезанным от мира.

Фу Цзюэчжи редко показывал чувства. Пальцы лежали на столе и медленно, беззвучно постукивали.

Вокруг чиновники ругались и спорили.

Некоторые вещи действительно необходимо выговорить.

Спорить до тех пор, пока кровь не закипит, а голова не затуманится; затем внезапно остыть, оглянуться назад и увидеть, где именно скрыта проблема.

Сегодня они кричали здесь.

Завтра утром пойдут кричать в дворцовый зал — спорить с императором и коллегами, доказывать, бороться, отстаивать своё.

Юй Кань был прав.

Дачан прогнил.

Но где именно началась гниль? Почему она распространилась? Какие люди точили государство изнутри?

Это нужно было увидеть ясно.

Партия Цуй слишком долго бесчинствовала. Её силы переплелись корнями по всему двору, и распутать их было почти невозможно.

Но Цуй Юань был главным из этих червей.

Стоило уничтожить его — и остальные рассыплются, как песок.

Выражение Фу Цзюэчжи оставалось спокойным. Длинные ресницы опустились, бросая тяжёлую тень на глаза.

Будто внутри собиралась чёрная буря.

Мрачные мысли теснились одна за другой.

Он закрыл глаза, затем вновь обрёл холодную ясность, встал и направился из зала.

Лёгкие занавеси в галерее шумели под ветром. Над небом нависали густые тучи.

Дождь ещё не начался.

Но ветер уже заполнил всю башню.

<http://bllate.org/book/19943/1983945>